

НАСЛЕДИЕ ЦАРЯ БОРИСА

РАЗВАЛ

ДЕЙСТВОВАВШИЕ ЛИЦА
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

ОЛЕГ КАШИН

Наследие царя Бориса

Олег Кашин

**Развал. Действующие
лица свидетельствуют**

«Алисторус»

2013

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Кашин О. В.

Развал. Действующие лица свидетельствуют / О. В. Кашин —
«Алисторус», 2013 — (Наследие царя Бориса)

ISBN 978-5-4438-0309-8

Какова судьба тех, кто был властителями страны и дум в девяностые годы? Увлекательный рассказ одного из самых из самых известных российских журналистов о «действовавших лицах»: от диссидентов до всесильных министров. Все они сейчас сошли с политической арены, но их по-прежнему помнят и каждому из них есть, что поведать сегодняшнему читателю. Бакатин, Полторанин, Якунин и многие другие. Кто они сегодня? Как они оценивают свою деятельность спустя двадцать лет после гибели Советского Союза?

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-4438-0309-8

© Кашин О. В., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

От автора	6
«Настоящий диссидент, только русский»	7
I	7
II	8
III	10
IV	11
V	12
VI	13
Последний враг перестройки	14
I	14
II	15
III	16
IV	17
V	18
VI	19
VII	20
VIII	22
IX	23
Валентин Зорин, проповедник	24
I	24
II	26
III	27
IV	28
V	29
VI	30
Он хотя бы попробовал	31
I	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Олег Владимирович Кашин
Развал. Действующие
лица свидетельствуют

© Кашин О. В., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

От автора

С тем, что наша родина – СССР, спорить сегодня не принято. Ностальгия по советским временам давно превратилась в полноценную отрасль российского шоу-бизнеса. «Дискотеки восьмидесятых» собирают гораздо более внушительные аншлаги, чем концерты любых современных звезд. Советское кино пользуется неизменным спросом в магазинах, торгующих DVD-дисками. Литературоведы предсказывают новый всплеск моды на советскую литературу. Снос мемориального Ту-154 на ВДНХ или реконструкция «Детского мира» вызывает у общества протест, значительно превосходящий по накалу выступления защитников любого памятника старой, дореволюционной Москвы – слова о «нашем советском детстве» звучат гораздо убедительнее, чем слова о неоклассицизме или модерне. «Советское детство» – это понятнее и ближе.

Но эта книга – совсем не о ностальгии и тем более не о детстве. То есть, конечно, мне было приятно и интересно разговаривать с людьми, которые были постоянными героями программы «Время» в те годы, когда я был ребенком, но вряд ли это можно назвать определяющей чертой моих героев. Не думаю, что кто-то сегодня скучает по члену политбюро ЦК КПСС Виталию Ивановичу Воротникову или по лауреату Ленинской премии крестьянскому поэту Егору Исаеву, которого советская власть так и не сумела, хоть и пыталась, сделать полноценным литературным классиком. И я тоже по ним не скучаю.

Писатели, чиновники, политики, литературные и медийные начальники прошлой и позапрошлой эпох. Старые коммунисты и демократы первой волны. Те, кого называли жидомасонами, и те, кто до сих пор не может отмыться от клейма «антисемит» – когда-то их знали все, а теперь мне приходится, прежде чем рассказывать о них, объяснять читателю, кто, собственно, они такие и почему сейчас они могут или даже должны быть кому-то интересны.

Слово «революция» применительно к событиям 1991 года как-то не прижилось, но это действительно была революция – смена элит была не мнимой, как принято считать сейчас, а почти тотальной. Но, в отличие от предыдущих русских революций и предыдущих смен элит, советский культурный и политический истеблишмент, уступив свое место постсоветскому, никуда не уплыл на философском пароходе и тем более не был уничтожен – лишившись власти (кто – государственной, кто – власти над умами и душами), они растворились в новом русском мире, и далеко не все превратились в заурядных пенсионеров. Автор знаменитых пьес о Ленине драматург Шатров, например, строит небоскребы. Первый секретарь Московского горкома КПСС Прокофьев, лишившись горкомовской власти, зарабатывал с помощью инновационных способов передачи информации на расстояние и даже получил несколько лет назад за свои инновации Государственную премию РФ. Председатель Гостелерадио СССР Кравченко, прославившийся «Лебединым озером» в августе девяносто первого, несколько лет руководил «Парламентской газетой», а теперь работает в «Строительной» – судьбы разные, но каждая судьба лучше, чем судьба таксиста в Париже или лесоруба на лесоповале. Герои первой мирной смены элит, кажется, и сами не понимают, как все вышло – потому и (за некоторыми исключениями, конечно) все охотно делятся историями и сюжетами из своей прошлой, совсем другой жизни – может быть, мы разгадаем их тайны, может быть, мы поймем?

На титульных листах нехудожественных книг принято писать – «рекомендовано тем-то, тем-то и тем-то, а также широкому кругу читателей». Не буду оригинален – эта книга адресована тем, кому кажется, что их нынешнее положение в обществе – навсегда, что элиты несменяемы.

Ну и широкому кругу читателей тоже, конечно. Читайте.

«Настоящий диссидент, только русский»

I

Этот документ, конечно, достоин подробного цитирования, вот: «Происходят фантастические вещи. По сценарию известных фантастов с пахучим подтекстом братьев Стругацких режиссер Тарковский снял фильм, который вызвал скандал в отделе культуры ЦК КПСС. И что же? Теперь этот фильм послан на Каннский фестиваль и, надо полагать, получит премию. На премии трубадурам сионизма не скупятся и у нас. Совсем недавно получил Государственную премию поэт А. Вознесенский – и сразу же „отблагодарил“ за нее участием в „Метрополе“. Неужели тем, кто распределяет премии, не было ясным политическое лицо Вознесенского? Оно ведь ясно уже давно. Вознесенский его не скрывает. С трибуны, услужливо предоставленной ему Центральным телевидением, он объявил „великим русским художником“... Марка Шагала. Почему, спрашивается? Все творчество Шагала насквозь пронизано еврейскими национальными мотивами. Большую часть жизни он прожил за рубежом. Что в нем русского? Только то, что он родился в России? Родились в России и Менахем Бегин, и Голда Меир... Главный редактор „Литературной газеты“, член ЦК КПСС А. Б. Чаковский – лауреат всех мыслимых премий. Как объяснить, что из его редакции уже уехало в Израиль с полдюжины человек, и теперь Перельман издает журнал „Время и мы“ в Иерусалиме, а Суслов (Шифрик) – альманах в Париже? Оба они опубликовали восторженные воспоминания о порядках, царящих в „Литературной газете“, редактор ее омерзительной 16-й страницы А. Брайнин однажды в ресторане „Славянский базар“ остановил оркестр и провозгласил на весь зал голосом победившего оккупанта: „Русь, сдавайся!“ В печати, кино, на телевидении, в театре – везде одна и та же картина. Вот уже много лет безнаказанно похабит русскую классику А. Эфрос, театр Вахтангова ставит пьесу антисоветчика А. Гладкова „Молодость театра“, А. Митта издевается над Россией в кинофильме „Сказ про то, как царь Петр арапа женил“, а артист З. Высоковский – с эстрады и экранов телевидения. Еще один наглядный пример пресловутой деятельности сионистской мафии.

На общем собрании АН СССР забаллотировали работника аппарата ЦК членкора С. Трапезникова. Нанесено публичное оскорбление партии. С академической трибуны фашистский и сионистский лакей А. Сахаров безнаказанно обливает грязью работника ЦК. Сахарова поддержал другой сионистский выкормыш академик Кедров Б., провалив честного коммуниста С. Трапезникова. Академия избирает своим членом Е. Примакова, примазавшегося к науке проходимца. Чья темная рука делала Примакову ученые степени и рекламу специалиста – „востоковеда“ и „политика“? Его идейная позиция проста – предательство палестинцев во имя сделки с сионизмом».

II

Самое удивительное в этом тексте – то, что это не письмо в инстанцию или в редакцию, а образец самого настоящего подпольного самиздата. Текст про Стругацких с пахучим подтекстом, проходимца Примакова и похабного Эфроса, напечатанный на ротаторе несколькими сотнями копий, в первые месяцы 1979 года анонимно рассылался по домашним адресам членов Союза писателей СССР в Москве, Ленинграде и Киеве. Формально воззвание было ответом Станиславу Куняеву, чье письмо по поводу альманаха «Метрополь» также активно циркулировало в самиздате, но Куняеву и его письму были посвящены только первые строчки большого текста, подписанного именем какого-то Василия Рязанова. Остальной текст, как видно из нашей цитаты, был весь посвящен разоблачению «сионистской агентуры» в СССР – как в художественных, так и в политических кругах. Что «Василий Рязанов» – это псевдоним, – почему-то все сразу поняли. Чуть позже стало ясно, что у подписанного этим именем текста было несколько авторов. Во-первых, Анатолий Иванов – не автор «Вечного зова», а другой, однофамилец, историк, участник группы «русских революционеров» Владимира Осипова, арестовывался, содержался в психбольнице, потом работал переводчиком в каком-то издательстве, тихо диссидентствуя на страницах самиздатовского журнала «Вече». С другим автором – военным летчиком Сушилиным, – вообще был анекдот – он по службе имел доступ к множительной технике, и большего от этого Сушилина не требовалось, но он настолько проникся содержанием возвания, что вписал в него заключительный абзац: «КПСС призывает советских людей крепить коммунистическую идейность, активную, духовную и жизненную позицию. Настало время положить конец равнодушию и безразличию к „делам“, творимым сионистскими эмиссарами и их пособниками. Чехословацкие события не должны повториться в нашей стране! Бдительность! Бдительность! И еще раз бдительность! Нет – вторжению без оружия! Долой ползучую контрреволюцию!»

А с третьим автором, который сейчас работает старшим научным сотрудником в Институте мировой литературы РАН, мы разговариваем в его обвешанном старинными медалями и холодным оружием кабинете. Сейчас ему 75 лет, он пишет бесконечные мемуары на тему «русско-еврейского противостояния» и статьи в патриотическую прессу. Читает, между прочим, «Русскую жизнь» – особенно ему запомнились опубликованные у нас в журнале очерки о его друзьях и соратниках Иване Шевцове и Александре Байгушеве. Эти очерки и мне, их автору, кажутся достаточно злыми по отношению к старым антисемитам, и, когда мой собеседник заговорил о них, я был уверен, что сейчас он нас выпроводит, отказавшись разговаривать, но он вполне дружелюбно сказал, что все понимает, что я на службе и что мировой сионизм платит мне за то, чтобы я писал именно так, и он против этого не возражает.

Зовут его Сергей Семанов. В то время, когда он и двое его друзей были коллективным «Василием Рязановым», Семанов работал главным редактором популярного всесоюзного журнала «Человек и закон», и, наверное, сотрудникам госбезопасности и в голову бы не пришло, что такой статусный человек причастен к производству подметных писем. Но арестовали Иванова, и тот на первом же допросе сдал всех своих соавторов. Семанов говорит, что не держит на него зла, хотя, когда несколько лет спустя они впервые после той истории встретились в ЦДЛ, Семанов бросил Иванову в лицо:

– Вы могли стать Желябовым, а стали Гольденбергом!

Семанов говорит, что думал над этой фразой много дней, повторял ее мысленно, представляя, как смутит она бывшего соратника. А Иванов отреагировал до оскорбительного спокойно:

– Нет, я не Гольденберг. Гольденберг повесился, а я еще жив.

– Вот видите, – смеется Семанов. – Я над своей репликой долго думал, а он сразу вот так меня срезал.

III

1 апреля 1981 года главному редактору журнала «Человек и закон» позвонил первый замминистра юстиции (журнал принадлежал Минюсту СССР) и будущий генпрокурор Александр Сухарев. Попросил зайти в министерство.

– Захожу в кабинет, а он меня с улыбкой встречает. Обычно хмурый ходил, а тут улыбается. Говорю: «Когда начальник улыбается, жди плохих новостей». Он кивает. «Боюсь, – говорит, – что тебе придется менять сферу деятельности».

Замминистра не скрывал, что инициатива увольнения Семанова исходила не из министерства. Он даже спросил уволенного главреда – скажи, мол, хотя бы по секрету, за что тебя? Семанов ответил не задумываясь – «Сочи». Депутат Хинштейн еще ходил в среднюю школу, а «Человек и закон» уже участвовал в информационных войнах между КГБ и нелояльными Юрию Андропову региональными руководителями – на страницах журнала регулярно появлялись разоблачительные репортажи о коррупции в Краснодарском крайкоме КПСС, которые писал журналист с характерной фамилией Цеков под диктовку сотрудников госбезопасности. О том, что дело совсем не в Сочи, Семанов узнает чуть позже, а пока, поскольку главный редактор центрального журнала – это номенклатура ЦК, – его пригласили на Старую площадь к заведующему сектором отдела пропаганды и агитации Наилу Биккенину, который предложил Семанову должность заведующего отделом в журнале «Преподавание истории в школе». Такая позиция показалась Семанову не очень соблазнительной, он отказался, решив, что сам без труда найдет себе интересную работу.

– А потом меня вызвал к себе Филипп Денисович Бобков (начальник Пятого управления КГБ СССР, отвечал за работу с интеллигенцией. – *О. К.*). Вначале говорил вокруг до около – просил быть сдержаннее, пересмотреть круг знакомых. Потом прямо сказал, что я веду себя так, что на меня может быть заведено уголовное дело. Я наглый был, нахал жуткий. Сказал ему, что лучше бы на Сергея Михалкова дело завели, а то неизвестно еще, на какие деньги он новый дом себе построил. На том мы с Бобковым и разошлись, а через несколько дней взяли Иванова.

IV

После ареста Иванова Семанов понимал, что скоро придут и за ним. Архив раздал друзьям, жену проинструктировал, кому звонить и куда приходить («Опыт „Человека и закона“ пригодился, я же все время по тюрьмам и лагерям ездил и понимал, что там со времен Пилата все неизменно»), собрал какие-то вещи.

– Однажды рано утром, – я был с похмелья, голова болела, а тут звонок в дверь, – пришли двое в штатском. Принесли повестку – зовут на допрос в качестве свидетеля. Я еще спросил – а почему так срочно? Они что-то пробурчали, я поцеловал жену и пошел. У самого подъезда стояла машина, рядом с машиной еще какой-то молодой человек, как бы случайный прохожий, но он так тщательно от меня отворачивался, что я понял, что он там тоже не просто так гуляет. Мы сели и поехали в Лефортово. В Лефортовском изоляторе Семанова встретил следователь Губинский – по словам Семанова, симпатичный интеллигентный молодой человек. Допрос продолжался десять часов. Губинский время от времени выходил из кабинета на полчаса-час. Семанов в какой-то момент не выдержал, сказал, что ему скучно сидеть одному и попросил что-нибудь почитать.

– И он тогда достал из ящика журнал «Континент» – на, мол, читай. То есть вот та литература, за которую он, сволочь, людей сажал, у них была как в парикмахерской – почитать, чтоб не скучно было.

Следователь Губинский, судя по всему, вообще был хорошим человеком – он даже посреди допроса отпустил Семанова позвонить жене. Жена уже не спала – в квартире шел обыск. Искали оригинал рязановского воззвания. Не нашли, конечно. В десятом часу вечера Семанова отпустили домой до завтра – на следующий день была назначена очная ставка с Ивановым.

– Он очень нервничал, неохотно говорил, а если говорил, то такими выражениями, что мне оставалось только руками развести. «Кроме того, Семанов давал отрицательные характеристики деятельности руководителей партии и правительства». А сам на меня так смотрит, что даже жалко его.

V

В 1994 году росархивовский журнал «Источник» опубликует рассекреченную записку Юрия Андропова в Политбюро «Об антисоветской деятельности Иванова А. М. и Семанова С. Н.». «В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя „русистами“. Под лозунгом защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью. Развитие этой тенденции активно поощряется зарубежными идеологическими центрами, антисоветскими эмигрантскими организациями и буржуазными средствами массовой информации. Противник рассматривает этих лиц как силу, способную оживить антиобщественную деятельность в Советском Союзе на новой основе». И далее: «В настоящее время и главный редактор журнала „Человек и закон“, член КПСС Семанов С. Н. в своем окружении распространяет клеветнические измышления о проводимой КПСС и советским правительством внутренней и внешней политике, допускает злобные оскорбительные выпады в адрес руководителей государства. По оперативным данным он пропагандирует необходимость борьбы с государственной властью и заявляет, что кончился „период мирного завоевания душ. Наступает революционный период... Надо переходить к революционным методам борьбы... Если мы не будем сами сопротивляться, пропадем“. Вокруг Семанова группируются лица, которые либо разделяют его взгляды, либо не дают ему по разным причинам достойного отпора».

«Учитывая эти обстоятельства, Комитет госбезопасности имеет в виду привлечь к уголовной ответственности Иванова А. М. Что касается Семанова, то представляется необходимым рассмотреть вопрос об освобождении его от должности главного редактора журнала „Человек и закон“. Решение о его уголовной ответственности будет принято в зависимости от хода следствия по делу Иванова», – писал Андропов. К уголовной ответственности Семанова так и не привлекли – на суде по делу Иванова он был свидетелем, но суд направил частное определение в Союз писателей – к Семанову предлагали принять дисциплинарные меры.

– У меня было три пути, – говорит Семанов. – Знаете, как богатырь стоит на распутье? Налево пойдешь – коня потеряешь, прямо пойдешь – голову сложишь, направо пойдешь – станешь педерастом. Я мог раскаяться, мог рвать рубаху и становиться диссидентом, а мог... Тут мне один знакомый священник помог. Он мне сказал: «Вы же добровольно вступали в эту свою партию? Значит, вы перед ней согрешили, вот и кайтесь». И когда меня на заседании парткома Союза писателей хотели исключать из партии, я сказал, что меня бес попутал. Мне эта формула очень понравилась – бес-то беспартийный, какой с него спрос.

В 1983 году у Булата Окуджавы вышел роман «Свидание с Бонапартом». Среди героев романа был крестьянин-бунтовщик по фамилии Семанов – фамилия редкая, и Сергей Николаевич уверен, что Окуджава так назвал своего героя именно в его, Семанова, честь.

– Там в конце есть такая сцена, как этот Семанов, уже безногий, раненный на войне, встречает барыню, против которой бунтовал, и говорит: «Прости меня, это бес меня попутал», – говорит Семанов. Из партии его так и не исключили, но на работу не брали пять лет – до тех пор пока тот же писательский партком не снял с него наложенное по итогам «Дела Василия Рязанова» взыскание.

VI

О себе Сергей Семанов говорит – «настоящий диссидент, только русский», и это, наверное, кокетством – настоящий диссидент не станет с гордостью говорить о пяти помощниках разных членов политбюро, с которыми он водил близкую дружбу: «Система у нас была однопартийная, но многоподъездная». «Русская партия» с большим количеством сторонников в интеллигентской среде и некоторым количеством покровителей в среднем эшелоне ЦК, была очень странным элементом политического ландшафта брежневских времен – чувствовавшие себя буквально диссидентами, «русисты» за редкими исключениями занимали вполне престижные должности в писательской или журналистской номенклатуре. До «Человека и закона» Семанов работал главным редактором книжной серии «Жизнь замечательных людей» («Перевернул ЖЗЛ из еврейской стороны в русскую»), а до того – гремел в «никоновской» «Молодой гвардии» («Пытался перевести марксизм с иврита на русский»); статья Семанова «О ценностях относительных и вечных» («Теперь ясно видно, что в деле борьбы с разрушителями и нигилистами перелом произошел в середине 30-х годов. Мне кажется, что мы еще до сих пор не осознали всю значимость гигантских перемен, случившихся в ту пору. Эти перемены оказали самое благотворное влияние на развитие нашей культуры»), сильно возмутившая либеральную общественность, до сих пор упоминается в учебниках истории как один из ярких эпизодов идеологической борьбы шестидесятых да и вообще выглядит актуально даже сейчас – по крайней мере, она почти дословно совпадает с нынешним пропагандистским мейнстримом, как и донос «Василия Рязанова» – «Нанесено публичное оскорбление партии. С академической трибуны фашистский лакей (фамилию вписать. – *О. К.*) безнаказанно обливает грязью работника ЦК». О том, что система опять – однопартийная, но многоподъездная, – и говорить не хочется, и так понятно. То, о чем забывают, всегда возвращается.

Последний враг перестройки *Иван Кузьмич Полозков, которым всех пугали*

I

Такого политика ждали тогда, кажется, все. Сталин умер, Чаушеску расстреляли, Нина Андреева и в лучшие годы никого особенно не пугала, и даже сам Егор Лигачев со своей добродушной сибирской физиономией выглядел бумажным тигром – вот и получалось, что настоящих врагов у перестройки вроде как и нет, а что это за революция без врагов? Это пародия какая-то, а не революция.

И вот тут появился он – настоящий вандеец, ортодоксальный большевик и немного анти-семит, человек, в котором все – от имени до внешности (у Хичкока в «Иностранном корреспонденте» был такой же – и лицом и ростом, – киллер, который хотел столкнуть героя с вертушки лондонского Биг Бена, но в итоге сорвался сам) свидетельствовало, что перед нами – воплощенное сталинско-брежневское вчера, живой мертвец, который, конечно, исчезнет с первым криком петуха, но пока не исчез, его следует бояться и бороться с ним. Вот все и боролись – демократический Моссовет даже отказался предоставить ему московскую прописку, когда он переехал в Москву из Краснодара (решение об отказе в прописке, впрочем, было вполне символическим – штамп в паспорт поставила паспортистка Кунцевского райотдела милиции без каких-либо проволочек), журнал «Огонек» посвящал ему самые яростные передовицы, пародист Александр Иванов каламбурил – «Вперед, к победе кузьмунизма» (от отчества Кузьмич), а критик Станислав Рассадин со значением напоминал читателям, что точно так же – Иван Кузьмич, – звали гоголевского Подколесина (что в этом такого, я до сих пор не понимаю; у меня, например, имя и отчество – точь-в-точь как у олигарха Дерипаски, так и что теперь?) – в общем, все радовались его появлению на всесоюзном политическом небосклоне. Когда он шагал к съездовской трибуне – маленький, очкастый, остроносый, – без слов было ясно, что вот она – махровая реакция, вот он – номенклатурный реванш. Иван Полозков, бесспорный лидер антирейтинга политических симпатий 1990 года, последний враг перестройки.

Июнь 1990 года – в Италии начинается чемпионат мира по футболу, а в Большом кремлевском дворце народные депутаты РСФСР выбирают первого председателя Верховного совета России, и шестнадцатая полоса «Литературки» обращается к председателю советской Федерации футбола: «Вот, товарищ Колосков, главные умельцы: крайний правый – Полозков, крайний левый – Ельцин». Советская сборная так и не смогла выйти из группы, а депутаты так и не смогли выбрать председателя – ни Иван Полозков, ни Борис Ельцин, набрав практически одинаковое количество голосов, не сумели привлечь на свою сторону необходимые 50 процентов. Повторное голосование результата также не дало. Накануне третьего тура выборов собралось специальное заседание политбюро.

II

Советское законодательство разрешало одному человеку быть депутатом не более чем двух советов. Первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Иван Полозков уже имел мандаты народного депутата СССР и депутата Краснодарского крайсовета, поэтому в народные депутаты РСФСР выдвигаться не собирался. «Но в последнюю неделю выдвижения мне позвонил из Москвы Лигачев, говорит: иди в российские депутаты. Я отвечаю: так нельзя же! А он говорит: после разберемся, иди. И я пошел». Депутатом Ивана Кузьмича избрали. Зачем это было нужно Москве – он узнал уже весной, когда его пригласил к себе в Кремль Михаил Горбачев, который сказал, что политбюро собирается выдвинуть его, Полозкова, на одну из двух руководящих должностей в РСФСР – председателя Верховного совета или председателя Совета министров. Когда открылся российский съезд, политбюро рекомендовало народным депутатам, входившим в КПСС, избрать председателем парламента (по сути – президентом России) Полозкова. «Демократическая Россия» поддерживала Бориса Ельцина.

– В первых двух турах голосования я опережал Ельцина на 13–15 голосов, но для победы этого не хватало. Должен был быть третий тур, и тут мне звонит Александр Николаевич Яковлев и вызывает на заседание политбюро. В повестке дня – один вопрос, ситуация на российском съезде.

Михаил Горбачев был тогда в большом заграничном турне – Исландия, США, Канада. Заседание политбюро проводил секретарь ЦК Вадим Медведев, но он все время молчал, главным был Яковлев.

– Он сказал: съезд зашел в тупик, депутаты не могут выбрать председателя, надо что-то делать, Иван Кузьмич должен снять свою кандидатуру. Политбюро это предложение поддержало, стали решать, кого выдвигать вместо меня. Дублер у Ивана Полозкова был – Александр Власов, бывший первый секретарь Ростовского и Чечено-Ингушского обкомов КПСС, бывший министр внутренних дел СССР, с 1989 года возглавлявший правительство РСФСР. Ему и рекомендовали выдвинуться против Ельцина. – Я прямо там же, на заседании, сказал Власову: не слушай никого, снимай кандидатуру, ты проиграешь Ельцину. Тогда Яковлев мне говорит: Иван Кузьмич, я не узнаю вас, мы всегда вас знали как дисциплинированного и спокойного коммуниста, что это за демарши? И я замолчал.

Молчал Полозков, впрочем, только до конца заседания. А потом сразу же побежал к телефону – звонить Горбачеву.

– Я ему сказал, что в ситуации, когда съезд расколот строго пополам, любой новый кандидат гарантирует победу Ельцина. Горбачев в ответ: ну, политбюро же решило, значит, надо выполнять. Я, говорит, когда политбюро со мной не согласно, всегда выполняю решение политбюро. На том разговор и закончился. Я, чудак, повел себя по-партийному, и на съезде снял кандидатуру. Выдвинули Власова. Власов с первого же раза пролетел, избрали Ельцина.

III

Сегодня это выглядит очень странно – союзное руководство и лично Михаил Горбачев не хотят (или, по крайней мере, делают вид, что не хотят), чтобы Российскую Федерацию возглавил Борис Ельцин. И при этом выставляют против суперпопулярного Ельцина непонятно откуда взявшегося и никому толком не известного Полозкова. Это первая странность. Вторая – в том, что непонятно откуда взявшемуся Полозкову удастся при голосовании соперничать с Ельциным на равных и, по большому счету, уйти непобежденным – он ведь так и не проиграл Ельцину, он сам снял кандидатуру, да и то под давлением. Я спрашиваю Полозкова, как он может объяснить эти странности. Он говорит, что, чтобы это понять, нужно понимать, как выглядела вся его жизнь до 1990 года.

Выглядела жизнь так. Военное детство в курской деревне Лещ-Плата, отец погиб на фронте, эвакуация. Полозков рассказывает, что население его деревни, по которой во время Курской битвы проходила линия фронта, эвакуировали дважды – сначала советские войска увезли крестьян на 20 километров восточнее, потом фронт сместился к востоку, и жителей Лещ-Платы эвакуировали уже немцы – тоже недалеко, на 30 километров западнее. Во втором случае эвакуация проводилась не из гуманных соображений, а в целях антипартизанской профилактики, но все равно забавно. Потом послевоенный голод и разруха, от 800 дворов Лещ-Платы остались два, жили в землянках, работали круглые сутки. Еще забавная история от Полозкова: пахали на волах, а потом появились буйволы, подаренные индийским правительством Советскому Союзу. В первую же послевоенную зиму все буйволы передохли от холода, а летом, когда они еще были живы, наоборот – было жарко, и животные забирались в заполненные водой воронки, которыми была изрыта курская земля. «Забирается в воду с головой и сидит, только ноздри торчат. У нас, у ребятишек, была такая обязанность – бегать с длинными палками и выгонять буйволов из воронок». Через некоторое время Иван уехал в Москву и поступил в лесотехнический институт. Отучился два года, потом призвали на флот, служил в Калининградской области, после службы хотел вернуться в институт, но дома заболела мать, а сестра вышла замуж – пришлось вернуться. Поступил в строительную бригаду.

– Строили коровники, я уже был бригадиром, секретарем комсомольской организации, и тут у нас в колхозе (он уже назывался «Память Ленина», а раньше был – «Путь Сталина») появилась девушка Маша Завершинская из Москвы. Закончила Тимирязевку, и ее распределили к нам старшим зоотехником. И она, уж не знаю, сама ли придумала, или прочитала где-то, устроила революцию коровников в масштабах всего Советского Союза.

Дело в том, что, как объясняет Полозков, до Завершинской коровы в коровнике располагались хвостами к проходу между стойлами. Так было удобнее убирать навоз. Завершинская предложила развернуть коров рогами к проходу, что существенно облегчало процедуру кормления скота, а с какой стороны убирать навоз – это для производительности труда менее важно. К Завершинской приехал первый секретарь Курского обкома КПСС Леонид Ефремов, о почине Марии Завершинской (подхваченном вскоре во всех коровниках страны) много писали в газетах, и в каждой газетной статье отмечалось, что почин состоялся в том числе и благодаря поддержке секретаря комсомольской организации Полозкова, который вместе с Марией тоже стал звездой – правда, если Завершинская осталась в колхозе и проработала в нем до пенсии, то Полозкова отправили учиться в Москву в Высшую комсомольскую школу, из которой он вернулся в родной Солнцевский район Курской области уже секретарем райкома комсомола. Началась блистательная комсомольско-партийная карьера – первый секретарь райкома комсомола, секретарь райкома (уже Рыльского, по соседству) партии. В 1975 году перевели в Москву, в ЦК КПСС.

IV

– Я был вначале инструктором ЦК, потом – в орготделе завсектором Центрально-Черноземного и Волго-Вятского района, это в принципе та должность, которую сейчас занимает Полтавченко. Курировал 16 областей и автономных республик, со всеми секретарями обкомов постоянно находился в рабочем контакте, ни с кем конфликтов не было. Когда Андропов выгнал Медунова и отправил вместо него руководить Кубанью Виталия Ивановича Воротникова, меня отправили вместе с ним, секретарем по идеологии.

В Краснодарском крайкоме Полозков сразу же оказался героем шумного политического скандала. В 1983 году Краснодар отмечал 190-летие со дня основания. Это совпало с начатой ЦК КПСС очередной кампанией по борьбе с великодержавным шовинизмом, а юбилей кубанской столицы – мероприятие по определению шовинистское. Налево пойдешь – казаков найдешь, направо – Екатерину Великую.

– С Екатериной скандал и вышел. С давних пор в атаманском доме висел ее портрет работы художника Ревона. Красивая – дух захватывает. Потом он какое-то время находился в краеведческом музее, а при Хрущеве Леонид Федорович Ильичев приказал его выбросить в запасник. Перед юбилеем я осматривал запасники, нашел этот портрет, говорю – давайте вернем ее в экспозицию и еще календарики с ней отпечатаем, красиво же, и вообще – историческая личность. Заказали в Пятигорске в типографии тираж календариков – сто тысяч, оплатили, ждем, когда напечатают. А через месяц – звонок от директора типографии. Говорит, что готово уже 50 тысяч календариков, но из Москвы поступила команда остальной тираж не печатать, а то, что есть, порезать в лапшу. Я говорю: как же так, мы же все оплатили? Директор мне отвечает: с вами, наверное, еще разберутся. Действительно, не прошло и недели, Полозкова вызвали в Москву, в ЦК, к замзаву отдела культуры Зое Тумановой, которая обвинила его в идеологической диверсии и пропаганде монархии. Хотели снять с работы, но начальник Тумановой Василий Шауро пожалел – объявил выговор и сказал: «Иди, не хулигань больше».

В Краснодар Полозков вернулся народным героем. Точнее, не народным, а интеллигентским – кубанская интеллигенция к началу восьмидесятых уже явочным порядком рассталась с коммунистической идеологией, не ударившись при этом в либеральное западничество. Уже вышла книга Виктора Лихоносова «Наш маленький Париж» о дореволюционном Екатеринодаре, ставшая идеологическим манифестом краснодарских патриотов, на фоне которых любой московский русофил типа Владимира Солоухина выглядел Булатом Окуджавой. После скандала с портретом Екатерины Полозков стал для патриотической интеллигенции Кубани по-настоящему своим. Ему же, кстати, удалось найти в бюджете крайкома деньги на превращение ежегодного литературного альманаха «Кубань» в полноценный ежемесячный журнал, который в годы перестройки стал одним из всесоюзных рупоров писателей-патриотов наряду с «Москвой» и «Нашим современником».

V

В 1985 году Полозков возглавил Краснодарский крайком. Губернатор курортного края – это во все времена влиятельный политик. Все политбюро, весь ЦК КПСС, все секретари обкомов хотя бы раз в году отдыхали в Сочи. По партийному этикету первый секретарь обязан был встречать только членов политбюро, Полозков встречал всех и дружил со всеми («Пить тогда нельзя было, сухой закон, поэтому мне было просто»), его аппаратный вес рос пропорционально количеству VIP-отдыхающих в Сочи (чтобы не создавалось впечатления, что Полозков занимался только курортными делами – при нем Краснодарский край по всем экономическим показателям побил рекорды времен Сергея Медунова, даже по урожаю риса, не говоря уже о пшенице – сегодня губернатор Ткачев называет рекордным урожаем 8 млн. тонн, в конце восьмидесятых собирали по 12 ежегодно). Первым секретарем на Кубани Полозков проработал пять лет, к 1990 году превратившись в, может быть, самого влиятельного регионального партийного руководителя в стране, тем более что краснодарская парторганизация с 333 тысячами членов была четвертой по численности в КПСС.

VI

Между прочим, у Полозкова отдыхал и Борис Ельцин. В книжном шкафу Ивана Кузьмича – большая фотография, на которой он и Борис Николаевич осматривают животноводческую ферму на Кубани.

– Мы с ним дружили, – говорит Полозков. – Уже когда он был председателем Верховного совета России, регулярно встречались, выпивали – он обычно за вечер уговаривал 0,7 «Посольской» – знаете, такая, с черной этикеткой была, – а мне, я же непьющий, наливали графин 16-процентного разбавленного коньяка. Он все ворчал: что ты пьешь, мол, – но потом понюхает – коньяк, – и успокаивается. Горбачеву постоянно докладывали – не дай Бог, мол, если Полозков с Ельциным объединятся. И он очень этого боялся. Наверное, это и было причиной, по которой меня так травили.

Действительно, основной ударной силой антиполозковской кампании 1990 года были близкие к Михаилу Горбачеву и Александру Яковлеву «Огонек» и «Московские новости». Сам же Ельцин ни разу ни в одном своем выступлении или интервью о Полозкове плохо не отзывался, единственный раз, в феврале 1991 года на встрече с избирателями в Доме кино, кто-то из зала передал Ельцину записку с каким-то ругательством в адрес Полозкова. Ельцин записку прочитал, сказал, что на провокации не поддается, и вопрос закрыт.

VII

Парторганизации регионов РСФСР – это 56 процентов от общего числа членов КПСС. Лучшего способа уничтожить КПСС, чем создание в России собственной компартии, не существовало («Российский ЦК даже мог бы исключить из партии всех членов ЦК КПСС – и что бы они делали?»), поэтому партийные консерваторы, и Полозков в том числе, возражали против учреждения компартии РСФСР. Строго говоря, изначально у этой идеи был только один сторонник – он же ее автор, Михаил Горбачев, который в 1989 году даже создал (и сам возглавил) Российское бюро ЦК КПСС, которое должно было стать оргкомитетом партии. К весне 1990 года, однако, у Горбачева появился неожиданный союзник – группа радикальных критиков перестройки во главе с Виктором Тюлькиным и Алексеем Сергеевым провела в Свердловске «инициативный съезд» коммунистов России, на котором, впрочем, партия учреждена не была. Полозков говорит, что «инициативников» использовали втемную – их активность позволила Горбачеву форсировать создание КП РСФСР, мотивируя это тем, что если партия не будет создана сверху, ее создадут радикалы снизу. За две недели до XXVIII съезда КПСС в Кремле собрались делегаты этого съезда, избранные от российских парторганизаций. Мероприятие называлось «Всероссийская партийная конференция», но никто не сомневался в том, что это учредительный съезд компартии РСФСР.

– Горбачев выступил с большим докладом, потом конференцию действительно объявили учредительным съездом, а потом, поздно вечером, он попросил остаться в зале по четыре человека от каждой парторганизации. Выглядело это странно – у меня от Кубани было 106 человек, а от Калмыкии, например – 7 делегатов, но в итоге мы равны – от них четверо, и от нас четверо. И вот на этом совещании Горбачев предложил выдвигать кандидатов на пост первого секретаря российского ЦК.

Полозков вспоминает, что атмосфера в зале была достаточно мрачной – в президиуме сидел один Горбачев, который не скрывал, что уже договорился с Борисом Ельциным о том, что КП РСФСР возглавит давний соратник Бориса Николаевича по Свердловскому обкому Олег Лобов. В то время Лобов работал вторым секретарем компартии Армении, именно ему было поручено выступить с приветствием от братских компартий на российской партконференции, более того – у Лобова болела мать, он опаздывал к открытию съезда, и его сняли с поезда и доставили в Москву вертолетом. Внешне, впрочем, все выглядело пристойно – Горбачев объявил рейтинговое голосование, по итогам которого получился список из двенадцати кандидатов (в основном секретари обкомов), к каждому Горбачев обращался с персональным напутствием («Просил каждого – не отказывайтесь сразу, подумайте до утра»), рассказывал о своем отношении к кандидатам.

Полозкова в списке не было. – И вдруг встает первый секретарь Ростовского обкома Суслин и говорит: Михаил Сергеевич, подождите, у нас же есть Полозков. И липецкий первый секретарь Донских сразу вслед за ним тоже встает и говорит: да, а где же Полозков? Горбачеву ничего не осталось, как включить в список и меня. Выборы на съезде – завтра утром. На том же совещании с Полозковым случился еще один инцидент. Накануне XXVIII съезда ЦК КПСС решил предоставить каждой республике право напрямую избрать в новый ЦК по пять человек – так называемые республиканские квоты. Михаил Горбачев предложил избрать пятерых от России на том же вечернем совещании и назвал своих кандидатов – Михаил Шатров, Андрей Нуйкин, Борис Пиотровский, Александр Гельман, Аркадий Вольский. – По какому принципу он их отобрал – непонятно. Я вышел к микрофону и сказал, что такая квота вызывает много вопросов. Если точно, то вот мои слова: «Россия не знает Нуйкина, Россия не знает Гельмана». И я предложил свой список – Василий Иванович Белов, Валентин Васильевич Чикин из

«Советской России», Карпов из Союза писателей СССР, Бабичев из ЦК и композитор Андрей Петров. Мой список поддержали, горбачевский провалили. На этом разошлись.

VIII

В ночь перед голосованием Полозкову в гостиницу «Россия» позвонило, кажется, все политбюро – Николай Рыжков, Анатолий Лукьянов, Владимир Крючков, Егор Лигачев.

«И каждый говорил: не снимай свою кандидатуру», – вспоминает Полозков. Кандидатуру он не снял. Во второй тур вышел вместе с Олегом Лобовым, в итоге Лобов набрал около 700 голосов, Полозков – 1800. Во главе партии, которая теперь называется КПРФ, он провел чуть больше двенадцати месяцев – до июля 1991 года, когда с давлением 60 на 30 и пульсом 32 лег на операцию к Евгению Чазову, уступив свою должность Валентину Купцову.

Август девяносто первого, роспуск КПСС, Беловежские соглашения – все это время Полозков пролежал под капельницами, а в январе 1992 года, под Старый Новый год, к нему в ЦКБ приехали соратники по уже бывшему политбюро ЦК КП РСФСР – Геннадий Зюганов, Иван Антонович (потом он станет министром иностранных дел лукашенковской Белоруссии, а сейчас преподает в академии ФСБ в Москве), Владимир Кашин и другие. Решили возродить партию – поделили между собой обкомы, чтобы обзванивать их и: «Если первый секретарь за нас, звать его, если не за нас – звонить второму, потом просто секретарям и так до тех пор, пока не найдется тот, кто за нас». Через год, когда Конституционный суд подтвердит, что российская компартия не находится вне закона, именно эти секретари обкомов будут воссоздавать КПРФ на местах.

Сам Полозков уже никогда не вернется к активной политической деятельности, ограничиваясь членством в консультативном совете КПРФ у Анатолия Лукьянова – но это скорее номинально, гораздо больше времени и сил Иван Кузьмич тратит на работу в возглавляемом им Курском землячестве Москвы, которое вместе с покойными скульптором Вячеславом Клыковым и композитором Георгием Свиридовым сам же и создал в середине девяностых. Еще рисует пейзажи (в основном – виды родной деревни) и пишет стихи.

IX

В 1990 году в Норильске, когда первый секретарь ЦК КП РСФСР Иван Полозков встречался с коллективом горно-металлургического комбината, из толпы выскочил двухметрового роста страшный мужчина, который закричал, что, мол, сколько можно терпеть этих коммунистов, и давайте сбросим Полозкова в штольню. Полозков ответил, что сбрасывать его не нужно, потому что он сам как раз хотел спуститься посмотреть, как работают горняки. На глубину 1100 метров спускались вместе со страшным мужчиной.

На домашний телефон в те дни звонили неизвестные почитатели, обещали оторвать голову, расстрелять и Бог знает что еще. Звонили жене, звонили дочери, звонили членам аттестационной комиссии, когда дочь защищала диссертацию кандидата медицинских наук. По Курской области и Краснодарскому краю ездили репортеры «Огонька» и «Московских новостей», искали компромат – не нашли (я нарочно рылся в подшивках, действительно – ничего конкретного про Полозкова нет, зато оборотов вроде «Иван Кузьмич, как-то очень обидно видеть слово „Российская“ в наименовании вашей партии» – гораздо больше, чем даже разоблачений сталинских злодейств).

«Русскую жизнь» некоторые называют наследницей перестроечной прессы. Я, в общем, согласен с этим сравнением (считаю его лестным), и, на правах наследника перестроечной прессы, хочу извиниться перед Иваном Кузьмичом Полозковым за то, что творилось вокруг его имени восемнадцать лет назад. Понятно, что революция без врага – это не революция, и перестройке действительно больше всего на свете был нужен враг, которым можно было бы пугать впечатлительную аудиторию. Но то, что этим пугалом стал успешный губернатор, честный коммунист, хороший умный дядька Полозков – за это по-настоящему обидно. Особенно если учесть, что ничего уже не вернешь.

Валентин Зорин, проповедник *В гостях у ветерана холодной войны*

I

На прошлой неделе в эфир «Голоса России», бывшее Иновещание, на семнадцати языках (он только пишет тексты для своей авторской рубрики «Взгляд из Москвы», читают написанные профессиональные дикторы) вышел его комментарий по поводу избрания Барака Обамы президентом США. «Когда я впервые побывал в Соединенных Штатах, это 1952 год, в Нью-Йорке на скамейках Центрального парка были надписи – „Только для белых“, а теперь – пожалуйста, президентом США избран темнокожий». Он говорит – «темнокожий», но тут же уточняет, что слова «негр» в своей речи он не избегает, потому что политкорректность свидетельствует только о том, что «лицемерие и двуличие американской демократии принимает самые анекдотичные формы».

Слова о лицемерии и двуличии американской демократии в разных комбинациях он произносил и писал на протяжении всей своей карьеры – а она у него такая длинная и успешная, что, рассказывая о ней, трудно не сорваться на язык советских производственных очерков: мол, в его трудовой книжке – единственная запись (о приеме на работу в Радиокomiteт СССР), датированная 13 августа 1946 года. СССР давно нет, Радиокomiteта тоже нет, а он как сидел, так и сидит в своем кабинете на последнем этаже радицентра на Пятницкой и, как и шестьдесят лет назад, обличает Америку – теми же словами, что и шестьдесят лет назад. Валентин Сергеевич Зорин, суперзвезда советского телевидения и главный советский антиамериканист.

«Антиамериканист» – неуклюжее слово, и Зорин тоже вздрагивает, когда слышит его:

– Когда в какой-то газете написали, что я антиамериканист – молодой какой-то автор, бойкий очень, – я отправил в редакцию письмо, ни строчки не написал, только фотографию в конверт вложил. На фотографии мы с президентом Никсоном стоим, обнявшись, и улыбаемся во весь рот. Стал бы президент Америки обниматься с врагом своей страны? Конечно, не стал бы.

Последний раз в Америке он был пять лет назад. Рассказывает – шел по Мэдисон-авеню, и там его догнал какой-то пожилой гражданин: «Послушайте, вы Зорин?» Да, говорю, Зорин. «Как здорово, что я вас встретил, знаете, когда я жил у нас, дома, – он так и сказал: „у нас, дома“! – я вас очень сильно ругал за то, что вы на Америку клеветаете. Теперь я живу здесь и вас, таки-да, снова сильно ругаю – теперь за то, что вы об Америке слишком мягко рассказывали. Знал бы я, какая здесь жизнь, ни за что бы не уехал!»

Не знаю, выдумал Зорин эту встречу на Мэдисон-авеню или нет, но рассказывает он о ней с большим удовольствием. Видимо, имидж обличителя Америки (сложившийся еще черт знает когда, чуть ли не при Сталине) его всерьез тяготит. – Самые теплые отношения у меня сохранились со многими американцами, известными и неизвестными. Из известных – и с Генри Киссинджером, и с Никсоном покойным, и с Эдвардом Кеннеди. Какой же я антиамериканист? У антиамериканистов не бывает столько друзей в Америке. Я возражаю – американские политики могли обниматься с ним не как с хорошим парнем Зориным, а как с представителем Советского Союза, который ценен прежде всего своим статусом, а не личными качествами. Он не обижается, но машет руками:

– Вы это бросьте, представители бывают разные. Я, например, сидел в зале Генеральной ассамблеи ООН, когда Андрей Януарьевич Вышинский, тыкая пальцем в нос госсекретаря США Даллеса, кричал ему – «Вы убийца!», путая, видимо, заседание Генеральной ассамблеи

и процесс над врагами народа. Стал бы с Андреем Януарьевичем кто-нибудь обниматься? Вот именно.

II

С тем, что Зорин – друг Америки, мы, очевидно, разобрались, осталось выяснить, кем он приходился Советскому Союзу, и я осторожно спрашиваю его, не было ли в его практике каких-нибудь негласных заданий в Америке или даже в России.

– Я понимаю, о чем вы говорите, – отвечает Зорин. – Этот шлейф за мной много лет тянулся, недоброжелатели всегда говорили за моей спиной, что – ну, конечно, если он так запросто в Америку ездит, наверняка у него есть погоны. А у меня никогда не было погон, я не имел к органам никакого отношения.

У Зорина такая манера говорить (подозреваю, что в своих американских командировках он учился даже не у телекомментаторов, а у проповедников), что его очень хочется сбить, поэтому, когда он сказал, что не имел отношения к спецслужбам, я спросил – а почему? Не сбил:

– Я сам часто об этом задумывался. Ни для кого не секрет, что органы плотно работали с журналистами-международниками, но меня они как-то обошли. Я думаю, что работников госбезопасности в те времена не устраивало, что у меня мама – еврейка. В то время это было важно.

О своем еврейском происхождении Зорин говорит как-то даже слишком торжественно: «Это было бремя, которое мне приходилось преодолевать», и я, конечно, вспоминаю популярный некогда анекдот про разговор Зорина с Киссинджером: госсекретарь спросил советского друга о его национальности, тот ответил: «Я русский», Киссинджер расхохотался: «А я американский!»

О да, мне стоило больших усилий, когда я рассказывал Генри эту историю, перевести ему соль шуток.

По-моему, он так и не понял, что здесь смешного. Вообще же еврейскую тему Зорин поводом для шуток не считает – говорит, что в СССР «существовала система государственного антисемитизма, даже несмотря на еврейскую супругу Леонида Ильича». – Конечно, может возникнуть вопрос – а как же я в этой системе смог выжить? И я вам прямо скажу, что таких возможностей, которые у меня были в шестидесятые-семидесятые, я бы никогда не имел, если бы к этому времени не стал профессором и доктором наук. Это компенсировало недостатки пятого пункта.

Ситуация на советском телевидении времен позднего застоя, впрочем, и без Зорина выглядела парадоксально – с одной стороны, все знали, что председатель Гостелерадио СССР Сергей Лапин – антисемит, с другой – недостатка в телевизионных евреях в те годы не было.

– Да, это парадокс, – говорит Зорин, – с одной стороны Сергей Георгиевич проявлял антисемитизм, это чувствовалось, с другой – его действительно окружали одни евреи. Бывают такие сочетания, понимаете?

III

Политобозреватель Гостелерадио СССР Валентин Зорин, впрочем, действительно мог позволить себе не нравиться своему начальнику (хотя нравился, конечно – и вообще претензий к Сергею Лапину у Зорина нет) – принадлежность к высшей журналистской номенклатуре давала ему возможность решать свои проблемы, минуя непосредственное руководство. Программу «Девятая студия», которую вел Зорин, несколько раз закрывали – но потом быстро открывали заново. Происходило это так:

– Вот вам один пример. Существовала пропагандистская установка, что вследствие ядерной войны капитализм погибнет, а социализм останется цел. Мне она с самого начала казалась достаточно сомнительной, и когда у меня в студии были наш знаменитый медик Евгений Иванович Чазов и американский ученый, нобелевский лауреат Бернارد Лаун, я спросил их, что они думают о последствиях ядерной войны. Чазов ответил афористично: «Если ядерная война случится, то радиоактивный пепел социализма ничем не будет отличаться от радиоактивного пепла капитализма». На следующий день меня вызвал к себе Михаил Андреевич Суслов, очень возмущался, говорил, что из-за нас он теперь не знает, как поддерживать моральный дух в рядах вооруженных сил – и передачу закрыли. Но Чазов, который был лейб-медиком Леонида Ильича, выбрал подходящий момент, поговорил с Брежневым, и тот распорядился «Девятую студию» в эфир вернуть.

IV

Мне хотелось поговорить с Валентином Зориным о современной антиамериканской пропаганде и о том, как он оценивает свою роль в идеологической обработке советских граждан. Провоцировать Зорина на четкие ответы (говорю же – проповедник) чудовищно сложно. Я сказал ему, что у меня не укладывается в голове, что его карьера, начавшаяся одновременно с Холодной войной, оказалась более долгой, чем сама та война.

– Я бы не согласился с вами, – говорит Зорин, – когда вы говорите о Холодной войне в прошедшем времени, она идет до сих пор, сейчас – как информационная война. Когда началась война в Южной Осетии, западные телеканалы сутки молчали о том, что Грузия бомбит Цхинвал (Зорин говорит по-современному – «Цхинвал», не «Цхинвали». – *О. К.*). Продолжается война, разве вы не видите? А война – это когда огонь ведут с двух сторон. В нас стреляют – и мы стреляем. Я пришел, когда война уже шла – по-моему, она началась не с Фултона, а как минимум с Хиросимы. И я тоже стрелял в этой войне. Я защищал свою страну.

На разговор о Михаиле Леонтьеве и Максиме Шевченко я Зорина так и не вывел – обсуждать персоналии он отказался, зато сказал, что когда умер журналист Станислав Кондрашов, президент Путин направил его семье соболезнование, в котором назвал покойного представителем «легендарной плеяды журналистов-международников».

– А сейчас – кого можно назвать легендарной плеядой? Один автор может сегодня писать об Америке, завтра о Ближнем Востоке, послезавтра – о подводной лодке, ни в чем не разбирается, а думает только о том, как кому-нибудь угодить. Что это такое? Журналист должен разбираться в вопросе. В шестидесятые-семидесятые все советские политологи вышли из журналистской среды – и Бовин, и Арбатов, и Примаков. Сейчас такое невозможно. Сейчас – кого президент назовет легендарной плеядой?

Кстати, бумага от Владимира Путина у Валентина Зорина тоже есть – с год назад он отправил в Кремль книгу своих мемуаров и получил ответ – на листке напечатано несколько официальных строк – спасибо, мол, здоровья, успехов, – а внизу приписка от руки: «Всегда с огромным интересом и удовольствием следил за вашей работой. Практически все и всегда было блестяще и в высшей степени талантливо. Желаю успехов. Путин». Бумага от Дмитрия Медведева у Зорина тоже есть.

V

Хоть Зорин и не был шпионом, журналистскими обязанностями в пользу государства он несколько раз жертвовал – когда в качестве эксперта (Зорин – научный сотрудник Института США и Канады) ездил в составе делегаций на советско-американские встречи – с Алексеем Косыгиным, Леонидом Брежневым, Михаилом Горбачевым. Благодаря близости к Горбачеву, вероятно, в годы перестроечного культа Америки и борьбы с пережитками застоя Зорин никак не пострадал, и даже молодые коллеги не критиковали его антиамериканское творчество.

– Чего это молодые должны меня ругать? Они же все мои ученики, – добавляет Зорин. Перестройка, впрочем, его все-таки коснулась – в последний ее день, девятнадцатого августа 1991 года, он навсегда перестал быть коммунистом. – Когда я узнал, что Михаил Сергеевич изолирован в Форосе, во мне все перевернулось. Я понял, что в этой партии состоять больше не могу. И мы с Бовиным пошли и написали заявления о выходе из КПСС. Хочу обратить ваше внимание – не двадцать первого, когда все стало уже ясно, а девятнадцатого, в первый день.

Выход из КПСС для Зорина стал не только формальным отказом от партбилета.

– Революцию 1917 года я считаю крупной исторической трагедией моей страны, я бы даже запнулся на слове революция, это была не революция, это был переворот, по Бернсу – тот случай, когда мятеж закончился удачей и называется иначе. Очень скверная страница нашей истории. А вот ко всему советскому периоду у меня такого однозначного отношения нет. И вообще – нет цельного советского периода. Тот ужас, который был связан со сталинизмом – и тридцать седьмой год, и коллективизация, и непомерная цена индустриализации – это одно. А с другой стороны – Победа, Гагарин, расцвет науки. Тот же Лапин – можно о нем что угодно говорить, но это он подарил нашему народу «Иронию судьбы». Вот как бы мы без нее жили? И вообще, я хочу сказать: при советской власти был Товстоногов, был «Современник», были «Дети Арбата» и все чего хотите – а сейчас нет ни Главлита, ни агитпропа, ни новых классиков. Кого из наших с вами современников можно назвать классиком? Донцову, что ли?

VI

К концу разговора желание сбить этого проповедника с его стройной речи овладело мной почти до истерики. Я задал неприличный вопрос – кого, Брежнева или Путина, он считает более крупным историческим деятелем. Зорин ответил не задумываясь и, черт его подери, так же по-проповеднически:

– Брежнева, с которым я был хорошо знаком и с которым я ездил за границу, я крупной фигурой назвать не могу. А Путин – это человек, который уже вошел в хорошем смысле в историю России. Сравнить очень посредственную фигуру Брежнева с выдающимся деятелем, который к тому же еще не завершил свой путь – ну как можно их сравнивать? Несопоставимый масштаб.

Удивительно – но после этих слов моя истерика проходит. Я пытаюсь представить, как отреагировал бы Леонид Ильич на такие слова, если бы у него была возможность их услышать, и вдруг понимаю – Брежнев не обиделся бы. Обнял бы Зорина и сказал бы ему что-нибудь типа: «Да ладно тебе, Валентин, давай лучше о хоккее». Я так хорошо себе это представляю, что, когда жму Валентину Зорину на прощание руку, уже не думаю о том, что здорово все-таки было бы как-нибудь его сбить, смутить. Зачем? Ему 83 года, он воевал, он первый выпускник МГИМО и самый долгоработающий журналист страны. Он знает, как надо. Он прав.

Он хотя бы попробовал *Человек, который не разрушил КГБ*

I

Наверное, такие же эмоции испытывал Александр Керенский, когда годы спустя его спрашивали о женском платье, в котором он бежал то ли из Петрограда, то ли из Гатчины – даже если предположить, что это была правда, все-таки политическая биография Керенского этим платьем не ограничивалась.

У Вадима Бакатина такое «платье Керенского», к сожалению, тоже есть – конечно, это схема расположения подслушивающих устройств в новом здании посольства США в Москве, которую председатель КГБ СССР Бакатин осенью 1991 года в качестве жеста доброй воли передал (даже ничего не потребовав взамен) американскому послу в СССР Роберту Страуссу. Страусс, согласно популярной легенде, долго не мог поверить, что в этом поступке Бакатина нет никакого подвоха, а сам Вадим Викторович навсегда заработал (вначале в кругах патриотической общественности, затем – и в массовом сознании) репутацию изменника Родины, заняв место где-то между Олегом Калугиным и Александром Литвиненко. О случае с «жучками» в свое время так много писали, что вряд ли стоит останавливаться на нем подробно, но если Вадим Бакатин считает это важным – пусть оправдывается, нам не жалко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.